

Климушкин Пдействиях

**Правда об учредительном
собрании**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П11

П11 **Пдействиях К.**
Правда об учредительном собрании / Климушкин Пдействиях – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-89314-5

ISBN 978-5-519-89314-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III.

ранныя права гражданства, мы думаемъ, что каждому гражданину необходимо знать всю правду объ Учредительномъ Собраніи.

Выпуская настоящую брошюру Члена Учредительнаго Собранія П. Д. Климушкина, мы смѣемъ надѣяться, что она найдетъ откликъ въ сердцахъ измученнаго народа.

„Да здравствуетъ Учредительное Собрание!!!“

ПРАВДА

объ Учредительномъ Собраніи.

Д о о т к р ы т і я.

Въ первый же день по пріѣздѣ въ Петроградъ, намъ, Членамъ Учредительнаго Собранія, было ясно, что Учредительное Собрание будетъ разогнано. Большевистская власть уже приняла соотвѣтствующія мѣры. Между нами и народными массами Петрограда была воздвигнута громадная стѣна лжи и недовѣрія. Солдатскимъ и рабочимъ массамъ было внушено, что Учредительное Собрание это буржуазная власть, не солдатско-рабочая. Оно собралось для того, чтобы ввести опять у насъ старые порядки и отнять всѣ тѣ завоеванія, которыхъ мы, солдаты и рабочіе, добились въ октябрьскую революцію.

Авторитетъ Учредительнаго Собранія былъ подрванъ, къ нему относились съ недовѣріемъ. Нужно было эту стѣну недовѣрія и лжи разбить или же, по крайней мѣрѣ, пробить въ ней нѣкоторую брешь. На борьбу съ этой стѣной недовѣрія и было направлено все наше вниманіе по пріѣздѣ. Выясненіе истиннаго значенія этого собранія, его цѣли и состава—составляло главную задачу нашей работы въ продолженіи цѣлаго мѣсяца.

Съ этой цѣлью нашей фракціей, фракціей партіи социалистовъ-революціонеровъ, какъ самой многочисленной, была немедленно организована агитаціонно-митинговая коммисія. Все способное выступать было брошено на заводы, фабрики и въ воинскія части. Каждый день нами устраивалось отъ 10—20 митинговъ и собраній, а всего ихъ было устроено свыше 250.

Въ началѣ насъ встрѣчали вездѣ враждебно. Намъ не давали говорить. Были случаи, когда насъ совсѣмъ не принимали на собранія. Но потомъ, съ каждымъ днемъ насъ стали выслушивать все внимательнѣе и внимательнѣе.

мательнѣе. И наконецъ, уже передъ самымъ днемъ открытія многіе заводы и воинскія части, которые раньше насъ выгоняли, выносили резолюціи съ обѣщаніемъ активной поддержки. Въ общемъ долженъ откровенно сказать: большинство рабочихъ и солдатъ остались вѣрны Совѣту Народныхъ Комиссаровъ. Привлечь ихъ на сторону Учредительнаго Собранія намъ такъ и не удалось.

Помимо этой работы наша фракція выполнила еще другую работу, громадную, колоссальную работу.

Не желая создавать изъ Учредительнаго Собранія говорильни и мѣста для пропаганды, мы хотѣли придти туда съ готовымъ матеріаломъ для работы. Нами былъ созданъ рядъ комиссій, подкомиссій и секцій. Былъ разработанъ рядъ законопроектовъ по самымъ жгучимъ и важнымъ вопросамъ, рядъ деклараций и манифестовъ. Самымъ крупнымъ и отвѣтственнымъ законопроектомъ—является земельный законопроектъ, надъ которымъ наша земельная комиссія проработала болѣе мѣсяца.

Всѣ эти законопроекты мы предполагали внести въ первые же дни засѣданія Учредительнаго Собранія.

Работать приходилось при самыхъ неблагопріятныхъ и невыносимыхъ условіяхъ. Отдѣльныхъ комнатъ для всѣхъ комиссій не было, въ одной и той же комнатѣ приходилось работать нѣсколькимъ комиссіямъ и подкомиссіямъ. Стульевъ было мало, сидѣть приходилось на кроватяхъ, столахъ и подоконникахъ, и всетаки многочисленнымъ комиссіямъ приходилось работать стоя. Работали днемъ и ночью, а послѣдніе дни передъ открытіемъ—и раннимъ утромъ.

Кстати, скажу нѣсколько словъ объ общежитіи.

Размѣстилась наша фракція въ трехъ лазаретахъ. Въ одной и той же комнатѣ помѣщались по три, по четыре и по шесть человѣкъ. Ни о какихъ, конечно, удобствахъ и комфортахъ и думать не приходилось. Одинъ и тотъ же столикъ маленькій, обыкновенный, лазаретный столикъ, приходился на нѣсколько человѣкъ. Столы, тарелки, кровати—все это было простое, грубое. Жизнь, уполномъ смыслѣ этого слова, была казарменная.

Работа и жизнь другихъ фракцій проходила при лучшихъ условіяхъ, особенно фракція большевиковъ, которой была отведена роскошнѣйшая гостинница «Асторія», съ отдѣльными номерами для каждого.

Въ день открытія Учредительнаго Собранія.

Дня открытія Учредительнаго Собранія вся Россія ждала съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Со всѣхъ концовъ къ намъ поступало множество телеграммъ и писемъ съ запросами—скоро ли оно откроется. Многіе прямо говорили намъ, что мы очевидно измѣнили нае роду, продались буржуазіи и не хотимъ совсѣмъ Учредительнаго Собранія. Кстати сказать, не открывали его мы только потому, что не было достаточнаго количества членовъ, и когда это количество набралось, согласились на днѣ, назначенномъ комиссарами, только потому, что изъ за такого пустяковаго вопроса не хотѣли давать боя нашимъ противникамъ.

Вопросъ объ открытіи Учредительнаго Собранія былъ самымъ больнымъ и жгучимъ вопросомъ для насъ. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы мы его не ставили на обсужденіе. Съ цѣлью единства дѣйствій въ этомъ вопросѣ было образовано межфракціонное бюро изъ представителей всѣхъ партій, за исключеніемъ большевиковъ, которые даже не сочли нужнымъ отвѣтить намъ на наше предложеніе.

Наконецъ, наступаетъ 5-ое января—день открытія.

Рано утромъ мы собрались въ какой-то чайной, я даже не помню, гдѣ эта чайная находится, и окончательно условились относительно нашего поведенія. Было предусмотрено все до мельчайшихъ подробностей, вплоть даже до того, гдѣ кто долженъ сидѣть, что говорить и что дѣлать. Дисциплина была установлена желѣзная, какой могла позавидовать любая въ мірѣ армія.

Часовъ въ 12 дня, выстроившись длинной колонной, мы двинулись къ зданію Учредительнаго Собранія.

Кругомъ было полное безмолвіе. Петроградъ притаился и какъ будто къ чему-то прислушивался. Въ

этомъ безмолвіи было что-то жуткое и напряженное. Подвигаясь дальше, мы встрѣчаемъ на улицѣ заставу изъ красногвардейцевъ. Одинъ изъ нихъ, подойдя къ намъ и узнавъ кто мы, вскинулъ винтовку на плечо и пошелъ впереди насъ въ качествѣ конвоира. Другіе слѣдовали сзади.

Это путешествіе членовъ Учредительнаго Собранія подѣ конвоемъ красногвардейцевъ было знаменательно, оно имѣло для насъ какое-то символическое значеніе. Многимъ оно напоминало старыя времена самодержавія, когда мы также подѣ конвоемъ штыковъ отправлялись въ тюрьмы и на каторги. И удивительное совпаденіе. Какъ тогда, такъ и теперь, бѣдный обыватель, робко озираясь, смотрѣлъ на насъ украдкой и осторожно, и, бросивъ слово привѣтствія или еле замѣтный кивокъ, спѣшилъ дальше. Нѣкоторые изъ смѣльчаковъ подходили къ намъ ближе и также какъ въ старыя времена съ грустью говорили намъ: «Эхъ, товарищи, вотъ какъ мы Васъ провожаемъ, точно на каторгу»...

Это было вѣрно, провожали насъ точно на каторгу,—такъ было все подавлено и убито.

Дальше картина измѣнялась все къ худшему. Мимо мчались автомобили, наполненные матросами или красноармейцами; проходили отряды, встрѣчались испуганныя лица обывателей. Улицы были все глуше и глуше. Въ нѣкоторыхъ—слышались уже ружейные выстрѣлы. Гдѣ то съ боку разсыпалась трескотня пулемета. Это начались разстрѣлы Петрограда. Лица солдатъ и матросовъ были озабочены. На улицахъ начиналась паника. Обыватель, испуганно озираясь кругомъ, разбѣгался. У самага Таврическаго дворца было что-то убогое, жалкое. Никакихъ манифестацій, ни встрѣчъ, ни привѣтствій. Отдѣльныя испуганныя фигуры.

Таврическій дворецъ весь былъ оцѣпленъ войсками и въ оградѣ стояло нѣсколько пулеметовъ и пушекъ, глядѣвшихъ своими холодными жерлами прямо въ лицо депутатамъ.

Настроение создавалось ужасное. Чувствовалось какое-то несоответствие силъ своихъ съ возложенными на тебя задачами. Съ одной стороны ты избранникъ народа, идешь за тѣмъ, чтобы спасти Россію, весь народъ; за этимъ послали тебя твои избиратели; съ другой—ты не можешь спасти и одной человѣческой души. У ногъ твоихъ проливается братская кровь, и ты, спаситель родины, не можешь остановить этого кровопролитія. Не можешь спасти тѣхъ, которые пришли защищать тебя, повѣдать тебѣ о своихъ нуждахъ, мукахъ и завѣтныхъ думахъ...

Подъ такимъ настроеніемъ мы вошли въ Таврическій дворецъ.

Здѣсь обстановка была не лучше. Весь дворецъ былъ наполненъ охраной. Пропускавшіе насъ матросы и красногвардейцы съ какимъ-то злорадствомъ ощупывали насъ глазами съ ногъ до головы. Гулявшіе посѣтителы, журналисты, стенографисты и сами члены Учредительнаго Собранія—разговаривали шопотомъ, косо поглядывая другъ на друга.

Въ назначенный часъ Учредительное Собраніе не открылось. Въ Петроградѣ въ это время происходили разстрѣлы манифестацій. Отъ исхода этихъ разстрѣловъ и зависѣло открытіе Учредительнаго Собранія. Большевики понимали это и настояли на томъ, чтобы открытіе отложить до вечера, когда выяснятся результаты уличныхъ столкновеній, чтобы уже потомъ въ зависимости отъ ихъ исхода, выяснить свою тактику и войти или какъ побѣдителямъ или какъ побѣжденнымъ.

Эти нѣсколько часовъ ожиданія были мучительны. Я то и дѣло подбѣгалъ къ окнамъ и поглядывалъ, не покажется ли хоть одна изъ прорвавшихся манифестацій. Хотѣлось знать, что тамъ происходитъ.

Разстрѣлы мирныхъ манифестацій.

Въ этотъ день 5-го января въ честь открытія Учредительнаго Собранія ожидались грандіозныя манифестаціи. Петроградъ готовился къ крупнымъ событіямъ. Всѣ

районы, и въ особенности районы фабрично-заводскіе, лихорадочно готовились къ мирному выступленію. Съ утра начинали сходиться по заводамъ и мастерскимъ и оттуда уже направляться организованными группами со знаменами и плакатами въ указанные для сбора пункты.

Большевики также готовились къ этимъ событіямъ съ неменьшимъ напряженіемъ и страхомъ. Весь Петроградъ былъ переполненъ войсками, а тотъ районъ, который окружалъ Таврическій дворецъ, представлялъ изъ себя въ полномъ смыслѣ укрѣпленный военный лагерь. Улицы, сходящіяся у этого центра, были заполнены вооруженными заставами, и въ началѣ изъ небольшихъ отрядовъ, челоѡкъ 5 или 10, а по мѣрѣ приближенія къ центру эти заставы все увеличивались и увеличивались и, наконецъ, у самага дворца они состояли изъ нѣсколькихъ сотенъ съ пулеметами и артиллеріей.

Часамъ къ 10-ти начали сходиться къ условленному пункту и оттуда уже одной могучей лавиной должны были направится къ Таврическому Дворцу.

Каждая такая группа неизбежно должна была пройти всѣ заставы. Но какъ только она подходила къ первой заставѣ, то ей тотчасъ же преграждали дорогу. Начиналась обычная процедура окриковъ, брани и взаимнаго препирательства. Манифестанты, озлобленные пріемами новыхъ охранниковъ, напоминавшими имъ старыя времена столыпинщины, и воодушевленные однимъ горячимъ порывомъ, по большей части эти первыя заставы сминали безъ всякаго боя, не подозрѣвая, что въ засадѣ сидитъ вторая застава, болѣе мощная. И какъ только снималась первая, такъ вторая безъ всякаго предупрежденія начинала палить по толпѣ залпами.

Картины разстрѣловъ ужасны. Нельзя, конечно, думать, что всюду и вездѣ они были одинаковы, но по большей части они происходили по одному и тому же шаблону. Вотъ картина разстрѣла Обуховской группы.

На улицѣ похвляется манифестация. Море головъ, море развѣвающихся знаменъ, большихъ и малыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Страстные лица, горячіе глаза. Съ

могучимъ воодушевленіемъ, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, толпа медленно и торжественно движется впередъ. На дорогѣ появляется «застава». Не обращая вниманія, толпа неудержимо движется дальше. Вдругъ раздается страшный предательскій трескъ. Секунда общаго недоумѣнья. Никто не вѣритъ, чтобы это могли быть выстрѣлы. Затѣмъ все это море головъ и шапокъ закружилось въ какомъ-то безумномъ и страшномъ вихрѣ. Началась паника. Толпа съ крикомъ и проклятіями бросается во всѣ стороны, кто въ ворота, кто въ другія улицы, кто черезъ ограды сада, кто падаетъ на полъ, кто скрежеща зубами грозитъ кулакомъ. Все сплелось смѣшалось, закружилось. Знамена срываются, иногда падаютъ и тутъ же втаптываются въ снѣгъ.

А залпы все чаще и чаще. Пули свистятъ. Не видя спасенія, многіе падаютъ на землю и остаются лежать какъ мертвые. Были случаи, когда къ такимъ «лежащимъ» подбѣгали красногвардейцы и прикалывали ихъ на мѣстѣ. Во многихъ мѣстахъ избивали прикладами, вырывали знамена и тутъ же на мѣстѣ разрывали на части.

Черезъ нѣсколько минутъ площадь пустѣетъ и на мѣстѣ... остаются лишь слѣды крови, да трупы убитыхъ, одинокіе, ужасные трупы.

Въ особенности звѣрское убійство было т. Логинова—члена Центрального Исполнительнаго Комитета Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ.

Подбѣжавъ къ нему вплотную, красногвардеецъ съ какимъ то озвѣреніемъ выстрѣлилъ ему прямо въ голову почти въ упоръ. Этотъ выстрѣлъ раздробилъ его черепъ на мелкія части. Сраженный, обливаясь кровью, т. Логиновъ тотчасъ же упалъ на мѣстѣ безъ звука. Окружающіе его товарищи бросились было впередъ поддержать его, но ихъ такъ же встрѣтили залпами выстрѣловъ.

Вотъ другая картина.

Товарищъ Х., студентъ Петрограда, съ пѣніемъ шелъ впереди со знаменемъ въ рукахъ и руководилъ

шествіемъ манифестаціи. Къ нему подбѣгаетъ одинъ изъ матросовъ и надъ самой головой заноситъ винтовку. Манифестанты съ дикимъ крикомъ бросаются на матроса и отбрасываютъ его въ сторону. «Жандармъ», — кричитъ товарищъ, но раздается залпъ и онъ, сраженный пулей, падаетъ на мѣстѣ. Толпа дрогнула и разсѣялась.

Манифестація была очень внушительная. Всего участвовало въ ней свыше 100.000 человѣкъ. Самая многочисленная изъ группъ была группа Обуховскаго завода, насчитывающая до 20.000 человѣкъ.

Большевики говорятъ, что въ манифестаціяхъ участвовали главнымъ образомъ «буржуи» и «контръ-революціонеры».

Я понимаю, что палачи, разстрѣливающіе мирный народъ, всегда ищутъ оправданія своимъ звѣрствамъ. Это общая психологія этихъ господъ. Но я долженъ самымъ категорическимъ образомъ засвидѣтельствовать, что «буржуевъ» въ этихъ манифестаціяхъ не было. Они въ это время посиживали въ своихъ палатахъ и злорадно посмѣивались надъ демократіей, которая истребляетъ другъ друга. Посмотрите на списокъ убитыхъ и тогда вамъ станетъ понятнымъ, кто въ нихъ участвовалъ: два крестьянина, два рабочихъ, слесаря Обуховскаго завода, два солдата, два студента и т. д. и т. д. Что это—все «буржуи»?

Да «буржуи»! Хватаетъ совѣсти у людей не только убить героевъ, но еще и оплевать самую святую память о нихъ!

Ни одна изъ манифестацій къ зданію Таврическаго дворца не проникла... Всѣ были разсѣяны огнемъ ружей и пулеметовъ.

Открытіе Учредительнаго Собранія.

Въ 4 часа, послѣ того какъ выяснились результаты разстрѣла мирныхъ манифестацій, послѣ того какъ Петроградъ былъ задушенъ, открылось Учредительное Собраніе.